

Зандер Евгений Адамович,

кандидат филологических наук, доцент Мангейм, Федеративная республика Германия

Попова Ирина Михайловна,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

llv82@mail.ru

«Подражания Корану» Пушкина. Проблемы интерпретации

Аннотация. В статье обоснована актуальность проблемы интерпретации «Корана» в поэзии А. С. Пушкина. Рассмотрены основные подходы к указанной проблеме, сформировавшиеся в науке. Поставлен вопрос о взаимосвязи проблемы ислама в мировой литературе на примере сопоставления поэзии А. С. Пушкина и И. В. Гете.

Ключевые слова: духовная основа, евангельская символика, восточные мотивы, интерпретация Корана, «западно-восточный диван», Гете, эпистолярный жанр.

Раздел: (05) филология; искусствознание; культурология.

Момент случайности появления «Подражаний Корану» в духовной биографии А. С. Пушкина исключается; это не поэтический экспромт, а единое художественное целое, создание которого требовало не только основательной подготовительной работы, но и не подвластного человеку вдохновения. Помимо того, нельзя не заметить, что они органически вписываются не только в русский, но и в общеевропейский литературный процесс, характеризующийся, в частности, усиленным вниманием к восточным мотивам. Но и в этой общей тенденциозности они выгодно отличаются тем, что заключают в себе ознакомление с Востоком изнутри – ознакомление с его духовной основой, определяющей жизнь не отдельного народа, а всего мусульманского мира. Однако отклик «Подражания Корану» нашли лишь в душе немногих друзей поэта. Одним из первых на них откликнулся поэт-декабрист Кокорин Рылеев, пораженный в одном из стихотворений картиной страшного суда.

«Чудными» находил «Подражания Корану» литературовед и биограф Пушкина Анненков. Однако общественная печать безмолвствовала, на что спустя некоторое время обратил внимание и дал свое объяснение В. Г. Белинский в статье о Марлинском: «Художественное произведение редко поражает душу читателя сильным впечатлением с первого раза: чаще оно требует, чтобы в него постепенно вглядывались; оно открывается не вдруг, так что чем больше его перечитываешь, тем дальше углубляешься в его организацию, уловляешь новые, не замеченные прежде черты, открываешь новые красоты и тем больше им наслаждаешься. Прогрессу этого разума и наслаждения нет пределов, нет границ: он бесконечен...» [1].

Письма Пушкина порождают мысль о том, что одновременно с Библией он активно осваивал и Коран. Пушкин не просто прочитал Коран – он его осмыслил. По осмыслению же стало очевидным, что покорность, которой требует от правоверного Коран, и личный эгоизм поэта – понятия несовместимые, поэтому святая заповедь Корана и оказалась в одном ряду с проблемой меркантильности в романе «Евгений Онегин».

В очередной раз и в совершенно неожиданном контексте Коран всплывает в письме Пушкина к Давыдову: «Я не варвар и не проповедник Корану. Дело Греции вызывает во мне горячее сочувствие, именно поэтому я и негодую...» [2]. Но в ком же он видел проповедника Корана? Нет ни малейшего сомнения, что он имел в виду

Гете. Современники Пушкина единодушно признавали, что никто не умел, как он, точно подметить суть прочитанного произведения и выразить ее в нескольких словах. Это наглядный тому пример; не называя имени, он точно подметил одну из существенных особенностей «Западно-восточного дивана», на которую никто из исследователей до сих пор не обратил внимания. Письмо отражает не только факт знакомства Пушкина с «Западно-восточным диваном» Гете, но и критическое отношение к нему. Суждение его довольно резко, но соответствует истине. Ряд стихов «Западно-восточного дивана» действительно оставляет в душе читателя подобный осадок, к примеру, восьмистишие из «Ренж-наме» (Книги недовольства):

Когда-то цитируя слово Корана,
Умели назвать и суру и стих,
Любой мусульманин, молясь неустанно,
Был совестью чист и чтим меж своих.
У новых дервишей – больше ли знаний?
О старом, о новом кричат вперебой.
А мы что ни день, то больше в тумане,
О, вечный Коран! О, блаженный покой! [3].

Иного характера неожиданность в пушкинском ноябрьском письме 1823 года к брату Льву: «Я тружусь во славу Корана и написал еще кое-что – лень прислать». [4] Всего «во славу Корана» им написано девять стихотворений, истинное значение которых до сих пор не было раскрыто.

Становится понятным «Подражание Корану» при рассмотрении его в русле русского и общеевропейского литературного процесса. Общеизвестно, что зарождение и развитие романтизма было неразрывно связано с проявлением огромного интереса к литературе мусульманского Востока, Китая и Индии, в чем видели пути оживления и обогащения собственных литератур. Этот единый процесс наиболее ярко проявился в немецкой, английской, французской, польской и русской литературах. В Германии – в творчестве Гете, В Англии – в творчестве Байрона, в польской – в творчестве Мицкевича, в русской – в творчестве Пушкина.

Гете в свое время вдохновили на создание «Западно-восточного дивана» переводы Хафиза Хаммера фон Пургштала, Пушкина же – творчество Гете. Но мы не видим здесь ни влияния, ни подражания. Скорее имеет место скрытая полемика, противопоставление собственного внутреннего видения видению общепризнанного европейского авторитета, хотя необходимо признать, осознанно или интуитивно поэт где-то и прошел по стопам Гете: он также изучил Коран и историю ислама, свободно ориентировался в восточной поэзии, следил за развитием европейского и русского ориентализма, но, в конечном итоге, пошел своим путем, следуя высказанному им убеждению, что во всех случаях необходимо сохранять черты национального характера. И он сохранил их даже в «Подражаниях Корану». «Даже» употреблено не случайно, оно призвано заострить внимание на том, что Пушкин совершил доселе не встречавшееся в мировой литературе. Поражает уже сама парадоксальная идея – сотворить подражание не чему-нибудь, а Корану и при этом сохранить русскую самобытность. Осуществлена же эта идея поистине гениально, почему Белинский и назвал подражания истинно художественными. Оценку Белинского разделяют пушкиноведы советского периода, в частности, Благой и Цявловская [5]. Но странное дело, никто не говорит ни слова о том, в чем же проявилась гениальность поэта.

«Подражания Корану» открывает стихотворение, глубины которого простому смертному трудно постичь:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянусь утренней звездой
Клянусь вечернюю молитвой:

Нет не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья.

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй [6]

Все в этом стихотворении продумано и приведено в единую, совершенную гармонию удивительным пушкинским чувством слова с его умением найти единственно верное, способное увязать между собой мотивы Корана, Библии и истории Ислама. Поразительна задающая тон всему стихотворению первая строфа. Мелодичный и ритмичный ямб, более всего присущий русской поэзии, передает читателю необоримый внутренний подъем автора.

Возникает вопрос: Почему Всевышний клянется своему пророку. Здесь уместно обратить внимание на одну существенную особенность «Подражаний Корану»: гениальность этого творения невозможно постичь, не ознакомившись предварительно с Библией и Кораном, поскольку сами «Подражания» созданы на основе образности этих первоисточников. Так, каждый стих из первой строфы вызывают в памяти Пятикнижие Моисея, в котором Бог также неоднократно ставил заветы с сынами Израилевыми, пока Иисус Навин не ввел избранный народ в обетованную землю.

Вторая строфа, начинающаяся стихом «Нет, не покинул я тебя,» двупланова. С одной стороны, она ориентирует на бегство Мухаммеда с последователями из Мекки в Медину, при этом у истинного Пророка никогда не было мысли, что Бог его покинул; с другой – намекает не только на ссылку самого поэта, но и отражает его душевное состояние в момент творения. Достаточно вспомнить об угрызениях совести за опубликованные стихи против религии.

В третьей строфе объединены мотивы Библии и Корана: первые две строки перекликаются с главой «Жажда» из «Второй книги Моисея», а следующие две – с Кораном. Здесь позволим заметить, что от исследователей, искавших в Коране специальной суры о слове и не обнаружившей таковой, укрылось, что весь Коран есть не иное, как запечатленное могущество устного слова, что не укрылось от Пушкина, признавшего вслед за Гете, что поэтический дар пророка Мухаммеда и его собственный – от Бога.

Завершающая стихотворение строфа – напутствие Аллаха своему Пророку после ниспослания ему Корана. Каждый отдельный стих наполнен глубоким смыслом и навеян определенной сурой, а вместе взятые выражают единую мысль – уверуй и будешь иметь великую благодать навсегда.

Источником первого стиха «Мужаяся ж, презирай обман» является сура 64 «Взаимное обманывание», состоящая из 18 аятов [7]. Пушкин выразил свое понимание этой суры в двух словах – «презираю обман», то есть веруй и твори благо.

Второй стих «Стезею правды бодро следуй» в расшифровке не нуждается, хотя и ему можно найти первоисточник в суре «Семейство Имрана» в 89 аяте: «Правду говорит Аллах», и в 155 аяте этой же суры: «Не годится пророку обманывать» [8]. Следовать правде – значит следовать предписаниям Корана, что неустанно утверждается в различных формах на каждой его странице.

В третьем стихе «Люби сирот и мой Коран» в центре внимания сироты, и это не случайно. Пророк неоднократно, в различных сурах, призывает верующих быть внимательными и справедливыми к сиротам, в особенности в суре «Женщины» [9], что и нашло отклик в душе поэта.

В заключительном стихе Аллах призывает пророка проповедовать Коран «дрожащей твари». Импульсы этого стиха вызывают в памяти одновременно и Библию, и Коран. В шестой день был сотворен человек, а «тварь» происходит от «творения». В суре 55 «Милосердный» аят 9 [10] читаем: «И землю Он положил для тварей». В суре 98 «Ясное знамение» аят 6 [11] «твари» разграничиваются: «Поистине, те, которые уверовали и творили доброе, – эти лучшие из твари». Но Пушкин создал образ не просто «твари», а «дрожащей», что навеяно Кораном, где утверждается, что «Аллах любит богобоязненных» (сура 3, аят 70) [12]. «Боязнь» и «страх» встречаются в различных формах слов на страницах Корана в неисчислимом множестве.

Не менее интересным является и второе стихотворение – «О, жены чистые пророка», состоящее из двух частей: в первой изложены предписания женам пророка, во второй – его гостям. Первоисточником послужила сура «Сонмы» [13]. У Пушкина эти предписания вылились в неповторимые образы:

О жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:
Страшна для вас и тень порока,
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица.

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В парнях дум благочестивых,
не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых. [14]

У Пушкина же за чисто восточным названием и колоритом угадываются черты его любимого идеала – образа Татьяны, которой, по убеждениям поэта, в не мень-

шей степени «пристало безбрачной девы покрывало». Об этом говорят и знакомые нам по роману такие черты ее характера, как внутренняя чистота, скромность и верность долгу. Это она живет вдали от суеты «под сенью сладкой тишины». Образ Татьяна, на наш взгляд, – один из немногих в русской литературе, заключающий в себе гармоническое сочетание духовного и чувственного начала.

Это стихотворение перекликается со стихотворением Гете «Избранные жены» из цикла «Хулд-наме» (Книга рая) [15]. В нем Гете представил четырех женщин, достойных пребывания в раю: это Зулейха из поэмы «Юсуф и Зулейха», затем «матерь пресвятая» дева Мария, далее следует жена пророка Хадиджа, а четвертой является дочь пророка и жена четвертого праведного пророка Али. Оно отражает взгляды Гете, но не его собственный идеал.

До бесконечности можно размышлять над стихотворением «Смутясь, нахмурился пророк» [16], представляющее собой поэтическое осмысление восьмидесятой суры Корана, известной под названием «Нахмурился» [17]. В данном случае мы имеем редкую возможность сопоставить текст Корана с текстом поэта.

Сура, прошедшая через горнило души поэта, претерпела удивительную метаморфозу. Она приобрела образность, характерную для русского языка и его носителей, и в то же время заключает в себе огромную силу воздействия на читателя, что было отмечено еще Рылеевым.

Следующим в ряду «Подражаний» стоит стихотворение «С тобою древле, о все- сильный, Могучий состязаться мнил» [18]. Могучий – это созданный Богом из огня сатана. Возникший конфликт между Творцом и сатаной обстоятельно изложен в суре «Преграды» [19]. Чрезмерная гордость сатаны не позволила ему выполнить приказ Бога и поклониться созданному из глины Адаму, что привело к его низвержению опозоренным и униженным из рая. О том, что угрозы сатаны в своем противодействии деяниям Божьим не пустая угроза, говорит его первая жертва – соблазненная им Ева. И в последующих сурах пророк неоднократно напоминает верующим о подстерегающем их в жизни сатане, избежать козней которого под силу лишь истинно верующему:

С тобою древле, о все- сильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую
И также смерть наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба пророка
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его! [20].

Пристального внимания заслуживает стихотворение «Земля недвижна – неба своды». Оно отчетливо перекликается с «Западно-восточным диваном» Гете. Более того, оно повторяет гетевское отношение к пророку Мохаммеду и его учению, но при этом Пушкин, сохранив «вкус и взор европейца», не превратился в проповедника Корана:

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день

На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.
Он милосерден: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман [21].

Но в следующей миниатюре перед нами преобразившийся поэт. За внешним образом пророка легко угадывается Пушкин, но не в пещере, а в глуши, в Михайловском, озабоченный печальными мыслями и лукавыми снами:

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит,
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай! [22].

Боязливым в Коране Аллах называет неоднократно своего пророка Мухаммеда, все остальное – мысли и чувства самого Пушкина, порожденные чтением небесной книги.

В следующем стихотворении поэт предстает настоящим мудрецом, подобным Саади, осуждающим лицемерие и ханжество, наставляющим и просвещающим своего слушателя или читателя:

Торгуя совестью пред бледной нищетою
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею она воздаст твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань, -
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут – господом отверженная дань [23].

Истоки первой части «Подражания Корану» обнаруживаются в суре 47 «Мухаммад» аят 40: «Вот вы – те, кого зовут, чтобы расходовать на пути Аллаха. А среди вас есть такие, что скупятся. И кто скупится, тот скупится в отношении самого себя» [24]. Для А. С. Пушкина важно, что подчеркивается невежество, которое наказывается, как самый тяжкий грех (сура 9 «Покаяние» аят 69): «Обещал Аллах лицемерам, и лицемерка, и неверным огонь геенны, – на вечное пребывание там» [25].

Интересна интерпретация заключительного стихотворения «Подражаний Корану» «И путник усталый на бога роптал» [26]. Истоки образа путника взяты из суры 8 «Добыча» (аят 41): «И знайте, что если вы взяли что-либо в добычу, то Аллаху –

пятая часть, и посланнику, и родственникам, и сиротам, и бедным, и путнику, если вы уверовали в Аллаха и в то, что Мы низвели Нашему рабу в день различения, в день, когда встретились два сборища. Поистине, Аллах мощен над всякой вещью!.. (аят 42): «Вот вы были на ближайшей стороне, а они – на отдаленнейшей стороне, а путники – ниже вас» [27].

Автор стихотворения недоумевает, почему пятая часть добычи наравне с посланником и нищим предназначена каждому путнику. Хотя догадаться здесь нетрудно. Путники – это находящиеся в пути верующие, распространяющие веру, несущие ее дальше. «Путник усталый» – это сам поэт, отразивший в форме аллегории собственную жизнь, в которой имели место в свое время и ропот на бога, и блуждания, и скитания, и безнадежная тоска. Но «настал пробуждения час», произошло чудо:

И чувствует путник и силу и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь [28].

А путь его лежал к «Пророку» [29] – вершине его духовного и поэтического взлета. Но этого видеть никто не желал. Цявловская в своих примечаниях к стихотворениям Пушкина утверждает, что «смысл этого «Подражания Корану» заключается в преодолении пессимистического начала, характерного для лирики Пушкина 1823 года и начала 1824 года» [30]. Не лучше и комментарии к первому «Подражанию»: «Центральные образы стихотворения – «зоркое гоненье», «могучая власть» языка «над умами», отсутствуют в Коране» [31]. «Подражания Корану» трактуются как цикл стихов, тогда как имеются основания воспринимать их как единое целое, поскольку в них четко прослеживается взаимосвязь отдельных стихов между собой. Открывающее их стихотворение «Клянусь четой и нечетой» своим содержанием соответствует введению, а последующие стихи в таком случае предстают как прямое следование канонам Бога, в варианте проповедей Корана. Последнее стихотворение своим содержанием вполне соответствует заключению.

В целом «Подражания Корану» есть претворение в художественные образы всего того, что мучило русского поэта и занимало его мысли на данном этапе жизненного пути. В каждом стихотворении, в тексте или подтексте предстает перед нами личность поэта, сводящего счеты со своей совестью, погруженного в размышления над проблемами Библии и Корана, проблемами прошлого, настоящего и будущего человечества. Потрясающе гениально и просто Пушкин отозвался на сложнейшую проблему не столько своего, сколько нашего времени более полутора веков тому назад!

«Подражания Корану» позволяют поставить имя А. С. Пушкина рядом с именем Гете, вслед которому он пришел к мысли о едином Творце, к признанию значимости пророка Мухаммеда и его «сияющего Корана». Не случайно «Подражания Корану» разделили судьбу «Западно-восточного дивана». Но такова судьба большинства гениальных произведений в истории человечества, будь то живопись, музыка или литература.

Ссылки на источники

1. Белинский В. Г. О русской словесности и повестях Гоголя. // Собр. соч.: В 9 т. Т. 9 – М., 1978, С. 38.
2. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. Письма – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. С. 96–98. [Электронный ресурс] URL: <http://www.flibusta.net/a/19708>.
3. Гете И. В. Собрание сочинений в десяти томах. Том 1. Стихотворения (1696K) – М. 1975 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.flibusta.net/b/293117>.
4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. Письма – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. С. 112. [Электронный ресурс] URL: <http://www.flibusta.net/a/19708>.
5. Цявловская Т. Примечания к стихотворениям Пушкина 1813–1822 гг. // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Под. общ. ред. Благого Д. Д. Государственное издательство художественной литературы. – М. 1959. [Электронный ресурс] Русская виртуальная библиотека. Сайт Мандельштамовского общества. В 1999–2001 гг. при поддержке Института «Открытое общество», В 2004–2009 гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. URL: <http://www.rvb.ru/pushkin/tocvol2.htm#355>.
6. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1820 – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. С. 112. [Электронный ресурс] URL: <http://www.flibusta.net/a/19708>.
7. Коран. Перевод с арабского языка Абу Адель. [Электронный ресурс] URL: <http://skomarohov.narod.ru/>.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1820 – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. [Электронный ресурс] URL: <http://www.flibusta.net/a/19708>.
15. Гете И. В. Собрание сочинений в десяти томах. Том 1. Стихотворения (1696K) – М. 1975 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.flibusta.net/b/293117>.
16. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1820 – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. [Электронный ресурс] URL: <http://www.flibusta.net/a/19708>.
17. Коран. Перевод с арабского языка Абу Адель. [Электронный ресурс] URL: <http://skomarohov.narod.ru/>.
18. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1820 – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. [Электронный ресурс] URL: <http://www.flibusta.net/a/19708>.
19. Коран. Перевод с арабского языка Абу Адель. [Электронный ресурс] URL: <http://skomarohov.narod.ru/>.
20. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1820 – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. [Электронный ресурс] URL: <http://www.flibusta.net/a/19708>.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Коран. Перевод с арабского языка Абу Адель. [Электронный ресурс] URL: <http://skomarohov.narod.ru/>.
25. Там же.
26. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1820 – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. [Электронный ресурс] URL: <http://www.flibusta.net/a/19708>.
27. Коран. Перевод с арабского языка Абу Адель. [Электронный ресурс] URL: <http://skomarohov.narod.ru/>.
28. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. Стихотворения 1813–1820 – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. [Электронный ресурс] URL: <http://www.flibusta.net/a/19708>.
29. Там же.
30. Цявловская Т. Примечания к стихотворениям Пушкина 1813–1822 гг. // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Под. общ. ред. Благого Д. Д. Государственное издательство художественной литературы. – М. 1959. [Электронный ресурс] Русская виртуальная библиотека. Сайт Мандельштамовского общества. В 1999–2001 гг. при поддержке Института «Открытое общество», В 2004–2009 гг. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. URL: <http://www.rvb.ru/pushkin/tocvol2.htm#355>.

Evgeni Sander,

candidate of Philological Sciences, associate professor, Mannheim, Federal Republic of Germany

Irina Popova,

*doctor of Philology, Professor, head of Russian language Department
FSBEI HPE Tambov state technical university, Tambov*

llv82@mail.ru

ISSN 2304-120X

«Imitation of the Koran» by A. S. Pushkin. Interpretation problems

Abstract. The article proves that the Koran interpretation in A. S. Pushkin's poetry has gained the currency. Basic scientific approaches to the problem in question have been considered. The comparison of A.S. Pushkin's and Goethe's poetry has given rise to the issue of Islam connections in the world literature.

Key words: spiritual basis, evangelic symbols, oriental motives, the Koran interpretation, «western-eastern divan», Goethe, epistolary genre.

Рекомендовано к публикации:

Некрасовой Г.Н., доктором педагогических наук, профессором, членом редакционной коллегии журнала «Концепт»